УДК 342

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕФИНИЦИИ «ЖИЛИЩЕ» В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОТ ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА К ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

С. С. ПЕТРОВСКАЯ
(Представлено: канд. юрид. наук, доц. И. В. Шахновская)

В статье автор рассматривает понятие жилища в уголовно-процессуальном и жилищном законодательстве, проводит сравнительно-правовой анализ и формулирует вывод о достаточно широком и комплексном понимании данного института сквозь призму уголовно-процессуального права. Также исследуется вопрос о необходимости расширения классического понимания жилища за счет включения в него ряда современных цифровых технологий.

Традиционное понятие жилища закреплено непосредственно в пункте 6 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК) и не сводится к бланкетной отсылке к жилищному законодательству [1]. Жилищем признаётся помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т.п.), а также его составные части, используемые для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека: балконы, застеклённые веранды, кладовые и т.п. [1]. Положение пункта 7 той же статьи отдельно определяет законное владение как объекты владения собственника или иного правомерного владения [1]. Согласно статье 14 УПК неприкосновенность жилища и иных законных владений возведена в принцип уголовного процесса, а действия, связанные с вторжением в жилище, допускаются лишь в особом процессуальном порядке [1]. В соответствии со статьёй 13 УПК обеспечивается охрана частной жизни [1]. Указанные нормы образуют единую конструкцию: жилище задаёт пространственную оболочку, а частная жизнь составляет содержание того, что эта оболочка защищает.

Таким образом, понимание жилища с позиций уголовно-процессуального права носит достаточно автономный характер и не связан с материальными отраслевыми нормами. В то же время защита уголовно-процессуального принципа неприкосновенности жилища основано на положениях Основного Закона Республики Беларусь. Достаточно широкое понимание жилища в уголовном процессе позволяет расширить границы защиты и охраны конституционных прав и свобод личности. В то же время отметим, что классическая модель защиты частной жизни в жилище сохраняет жесткую привязанность как к физическому пространству.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в пунктах 27 и 28 постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» разъяснил, что проникновение в жилище есть тайное или открытое вторжение в помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания, и что в понятие жилища не входят помещения, не приспособленные для проживания (обособленные погреба, амбары и т.п.) [2]. На наш взгляд, это разъяснение подтверждает пространственную природу категории и одновременно показывает её пределы: облачный контейнер и фасадный регистратор ни «помещением для проживания», ни «вторжением через порог» не являются. Отсюда не следует, что доступ к ним лишён всяких гарантий; следует лишь то, что гарантии нельзя вывести из самого определения жилища.

Согласно п. 14 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) понятие жилое помещение определяется через назначение для проживания, отопление, естественное освещение и соответствие санитарным и техническим требованиям, а ст. 3 относит неприкосновенность жилых помещений к принципам жилищного законодательства [3]. Статья 14 ЖК регламентирует назначение и использование жилого помещения [3]. Легальное определение общего имущества совместного домовладения дано в п. 31 ст. 1 ЖК: это помещения за пределами квартир и (или) нежилых помещений, предназначенные для обслуживания двух и более помещений, а также крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, обслуживающее два и более помещения, и объекты, расположенные на придомовой территории [3]. В соответствии со статьей 150 ЖК закреплено, что такое имущество принадлежит собственникам объектов недвижимого имущества на праве общей долевой собственности. Смешение трёх режимов – уголовно-процессуального, жилищного и режима общего имущества представляется методологически некорректным. Камера на фасаде либо регистратор в техническом помещении дома могут относиться к общему имуществу, однако само по себе это не превращает их в жилище конкретного лица. Противное означало бы распространение уголовно-процессуального понятия жилища на сервер, крышу и лифтовый холл. Именно поэтому далее необходимо рассмотреть, как уголовно-процессуальный закон реагирует на появление устройств, данные которых находятся за пределами физического жилища.

Понятие «умный дом» в специальной литературе раскрывается преимущественно технически и потребительски. Т. С. Ковальчук, О. В. Борисенко и Ю. А. Игнатьева определяют его как жилое помещение, оснащённое взаимосвязанными устройствами, которые могут быть автоматизированы и контролироваться

удалённо; ключевыми компонентами называют хаб, смарт-устройства и мобильное приложение [4, с. 97–98]. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 71871–2024, не являясь техническим нормативным правовым актом Республики Беларусь, полезен как описание типичного набора: IP-домофоны, IP-видеокамеры, считыватели СКУД и умные замки, датчики инженерных систем и экстренных ситуаций, управляемое освещение, интеллектуальные приборы учёта [5, с. 3–10]. И. В. Шанюкевич и Е. Д. Курганов отмечают, что в белорусской практике «умный дом» чаще представляет собой совокупность устройств, решающих относительно узкие задачи пользователя, либо систему автоматизации, а не унифицированный европейский контур энергосбережения [6, с. 81–82].

На наш взгляд, для целей уголовно-процессуального анализа приведённые определения нуждаются в уточнении. Представляется достаточной следующая рабочая формула: умный дом – совокупность программно-аппаратных средств, установленных в жилом помещении либо обслуживающих его, которые собирают, обрабатывают и передают сведения о состоянии этого помещения и о действиях проживающих. Такая система имеет три слоя: устройство в квартире; локальный хаб или регистратор; облачное хранилище и приложение. Именно многослойность и определяет специфику правового режима: физически устройство находится в жилище, однако значительная часть данных – за его пределами.

Облачные хранилища и видеорегистраторы, расположенные вне квартиры, в понятие жилища не входят. Этот вывод следует из буквального содержания пункта 6 статьи 6 УПК [1] и из пунктов 27–28 постановления Пленума Верховного Суда № 15 **[**2**]**. Следовательно, доступ к ним формально не обязан воспроизводить порядок осмотра и обыска жилища. Вместе с тем именно здесь возникает пробел. Часть 7 статьи 204 УПК для осмотра жилища требует согласия собственника или проживающих совершеннолетних лиц либо постановления следователя, органа дознания, санкционированного прокурором или его заместителем; постановление предъявляется до начала осмотра, участвуют понятые **[**1**]**. Положение части 2 статьи 210 УПК подчиняет выемку в жилище против воли проживающих тем же правилам, что и обыск; часть 3 той же статьи допускает обыск без предварительной санкции лишь в исключительном случае и с последующим контролем **[**1**]**. Этот контроль отсутствует, когда архив камеры выгружается по запросу к оператору, снимается с общедомового регистратора либо открывается через учётную запись.

Следует ли в таком случае расширять понятие жилища и включать в него цифровые технологии? С точки зрения жилищного права – нет. Жилое помещение в смысле статьи 1 ЖК не может включить в себя облачный контейнер, не утратив признаков жилого помещения [3]. Расширение пункта 6 статьи 6 УПК до формулы «жилище плюс все устройства и все облака» также представляется неудачным: размывается граница объекта [1]. А. А. Подупейко обоснованно указывает, что задача законодателя состоит в поиске грани между предотвращением посягательств и сохранением личного пространства, а не в придании статуса личного пространства любой технологии [16, с. 120–121]. На наш взгляд, понятие жилища должно оставаться пространственным. Корректировке подлежит порядок доступа к данным, которые сформированы в жилище и раскрывают его внутреннюю жизнь.

Таким образом, цифровизация не отменяет неприкосновенность жилища, а меняет способ вмешательства в него. Жилище по-прежнему остаётся помещением, а не облаком и не камерой на фасаде, однако сведения, которые система «умного дома» собирает о проживающих, раскрывают ту же частную жизнь, что раньше можно было увидеть только переступив порог. На наш взгляд, расширять само понятие жилища нет необходимости: это лишь размоет объект защиты и не ответит на вопрос о порядке доступа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г. № 295-З : в редакции Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2026.
2. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2026.
3. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 августа 2012 г. № 428-З : в редакции Закона Республики Беларусь от 1 июня 2026 г. № 150-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2026.
4. Ковальчук, Т. С. Концепция применения системы «Умный дом» в Республике Беларусь / Т. С. Ковальчук, О. В. Борисенко, Ю. А. Игнатьева. – Минск : Белорусский национальный технический университет. – С. 97–101.
5. ГОСТ Р 71871–2024. Системы киберфизические. Умный дом. Базовый набор устройств и оборудования. – Москва : Российский институт стандартизации, 2025. – 16 с.
6. Шанюкевич, И. В. «Умный дом» в Республике Беларусь: взгляд потребителя / И. В. Шанюкевич, Е. Д. Курганов // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 79–96.
7. Подупейко, А. А. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации / А. А. Подупейко. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь. – С. 118–123.